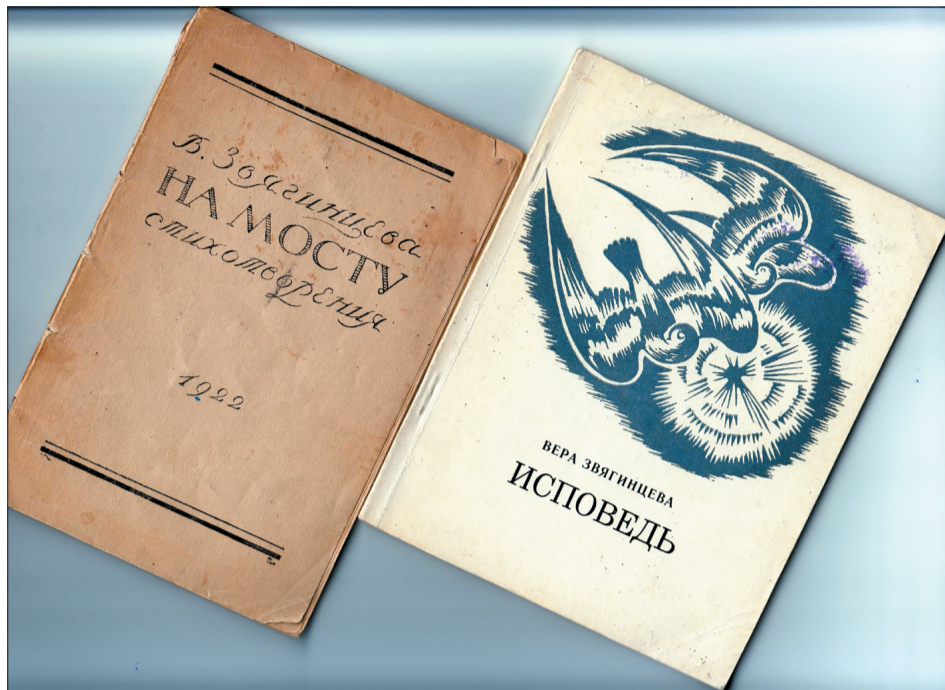

как дышу»

Первая и одна из последних прижизненных книг Веры Звягинцевой.

Не обременял Дурылин Веру Клавдиевну и просьбами, кроме одной — присылать стихи. А ещё настойчиво просил Звягинцеву писать ему, подчёркивая, насколько это важно для него. Признания об этом разбросаны по многим письмам:

«Пишите мне. Я так много получаю от Ваших писем».

«Я живу бодро, думаю, читаю, пишу, но ни с кем не беседую на те темы, на которые мы с Вами беседуем».

«Стихи Ваши прекрасны. (...) Ваши письма — добрые дела: так они и зачтутся Вам свыше».

«Не забывайте меня. Письмами своими Вы меня питаете. Мне не с кем, кроме Вас, говорить о поэзии и театре».

«Писать письма теперь не умеют. Вы можете и умеете. Грех Вам не писать. Я их очень люблю, жду и скучаю».

Несколько лет переписка была единственным связующим звеном между Дурылиным и Звягинцевой, до тех пор, пока он не вернулся в Москву и не возобновились их личное общение.

Вера Клавдиевна Звягинцева была верным другом Дурылина. Во время его ссылки она писала ему письма, присылала книжные новинки, передавала его письма Борису Пастернаку. В гостях у Звягинцевой Пастернак вписал в альбом Дурылина маленький экспромт: «На счастье Серёже / Среди раздорожья. Боря. У Веры Клавдиевны. 23.V.33».

Судя по тому, что некоторые свои письма, адресованные Веры Звягинцевой, Сергей Дурылин впоследствии включил в книгу «В своём углу», Вера Клавдиевна была одной из тех, с кем Сергей Николаевич любил вести доверительные беседы.

... Знакомство Веры Звягинцевой с Мариной Цветаевой произошло предположительно в 1918 году и вскоре переросло в дружбу. Марина Ивановна встречала в семье Веры Клавдиевны новый 1919 год. По этому поводу Цветаева написала стихотворение, посвящённое Александру Сергеевичу: «Поцеловала в голову, / Не догадалась в губы. / А всё ж по старой памяти / Ты хороша, любовь...» Марина Цветаева навещала чету друзей на улице Пятницкой, иногда с дочкой, жила у них день-другой. Сохранилось несколько писем и записок Цветаевой к Звягинцевой и Ерофееву, которые ныне находятся в фонде Веры Клавдиевны в РГАЛИ.

В 1922 году Цветаева уехала за границу. А когда в 1939 году она вернулась на родину, вокруг неё образовался, особенно после ареста дочери и мужа, некий вакуум. Некоторые избегали её, только не Звягинцева и Ерофеев. Однажды Марина Ивановна пришла к ним с сыном Муром. Прочла несколько стихотворений. Но встреча, по

мнению присутствовавшей на ней Елены Новиковой, явно не удалась: «Одна (Звягинцева) была воплощением благополучия жизни, другая (Цветаева) — полного её неблагополучия». В дальнейшем Вера Клавдиевна пыталась помочь Цветаевой найти переводную работу, перед кем-то хлопотала, но вышло ли что-нибудь из этого, неизвестно. В письме Борису Пастернаку, написанном в июле 1945 года из Болшево, Сергей Дурылин вспоминал: «Я помню Марину (Цветаеву), когда она ещё почти ребёнок, печатала первые стихи в «Антологии Мусагета» и Эллис говорил о ней как о ребёнке, для которого жизнь — «волшебный фонарь» (каково и было название её книги стихов). О её смерти я узнал от В.К. Звягинцевой. Это была одна из самых тяжёлых вестей, которую мне пришлось услышать за всё время войны».

В годы войны Вера Звягинцева и Александр Ерофеев находились в эвакуации в Свердловске, вернулись в Москву в 1943 году. Постепенно их жизнь наладилась. В 1946 году вышел в свет сборник стихов Веры Звягинцевой «По русским дорогам» — через 20 лет после предыдущего. Наряду с собственными стихами в нём были переводы армянских поэтов. Вера Клавдиевна в послевоенный период продолжала много переводить, печаталась в газетах и журналах, выступала на вечерах, занималась с молодыми поэтами. Один из них, ставший впоследствии знаменитым, —

Могила Звягинцевой.

Евгений Евтушенко — включил в составленную им антологию «Строфы века» только одно стихотворение Веры Звягинцевой «Порою спросит кто-нибудь...», предварив его двусмысленной сентенцией: «Была знаменита тем, что, будучи одинокой и обладая добрейшим сердцем, раздавала

все свои гонорары займы молодым поэта́м, одним из которых был составитель этой антологии». Только тем и знаменита?! Правда, в написанных специально для книги о Звягинцевой «Душа, открытая людям» (Ереван: Советакан грох, 1981) скромных, в одну страничку, воспоминаниях «Её душа была переполнена поэзией...» Евгений Александрович констатировал: «Вера Звягинцева принадлежит к тем чистым, светлым людям, без которых немислима атмосфера искусства».

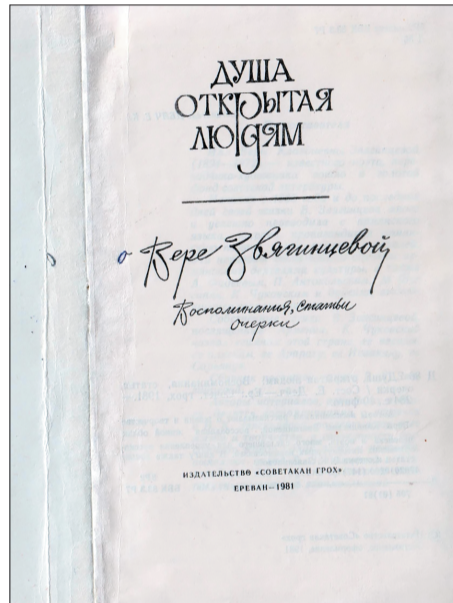
Глубокую рану Вере Клавдиевне в 1949 году нанесла внезапная смерть Александра Сергеевича Ерофеева, семейная жизнь с которым продолжалась более тридцати лет. Сергей Дурылин написал ей из Болшево: «Вчера (31/1) от О.Н. Фрелиха, из его письма, узнал о кончине Александра Сергеевича. Вот как внезапно, как сокрушительно-неожиданно уходят из жизни лучшие люди, — сердечные люди!

Нечем мне Вас утешить, и какие тут утешенья! Не могу и погоревать вместе: я болен стенокардией и заточён врачами в свою комнату, еле жив.

(...) Как бы было хорошо, ежели бы Вы собрались к нам в Болшево в любое время: эти 2 недели я безвыходно дома, — Вы бы навестили меня в моей «больничной» за-сядке...

Вот и Олег Ник. собирается к нам — он был бы Вашим провожатым...»

Возвращению Веры Звягинцевой к жизни и творчеству способствовали её друзья, в том числе Сергей Дурылин. Несравненно много для неё сделал Наум Михайлович Белинский — человек незаурядных знаний

Воспоминания о Вере Звягинцевой.

и способностей. Их связывала преданная дружба, начавшаяся в 1921 году и длившаяся до смерти обоих в 1972 году.

В 1960 году скончался Борис Пастернак, высокоцитируемый Звягинцевой. Она была на его похоронах, отозвалась на смерть Пастернака стихотворением, опубликованным спустя семь лет в сборнике «Исповедь».

В 1964 году Вера Клавдиевна снова начала писать собственные стихи. Кроме выше названного сборника «Исповедь» (М.: Советский писатель, 1967), увидели свет её «Избранные стихи» (М.: Художественная литература, 1968) и книга стихов и избран-

Вера Звягинцева.

ных переводов «Моя Армения» с предисловием Корнея Чуковского (Ереван: Ай-стан, 1969).

Когда стали уходить из жизни друзья Веры Клавдиевны, пошатнулось и её здоровье. Летние месяцы она проводила уже не в любимом Коктебеле, а под Москвой — в Переделкине. 10 сентября 1972 года Вера Звягинцева скончалась. После панихиды в ЦДЛ её тело было кремировано в Донском монастыре. А погребение праха состоялось только 7 июня 1974 года на переделкинском кладбище, где дружившей с Верой Клавдиевной Евгении Кузьминичне Дейч удалось «выбить» место под могилу. В 1975 году известный армянский скульптор Самвел Казарян установил на могиле памятник В.К. Звягинцевой.

Свой сборник «Исповедь» Вера Звягинцева завершила стихотворением с такими строками: «Я пишу, как дышу. / По-другому писать не умею. / Поделиться спешу / То восторгом, то болью своею». Заключительные строки стихотворения: «Я, конечно, грешу — / Что судьба одного человека! / Я пишу, как дышу. / ...Но дышу-то я воздухом века». Добавить к этому нечего.

Леонид ГОРОВОЙ

Вере Клавдиевне Звягинцевой

Как будто ласточка крылом
В полёте вольном и стрельчатом,
Меня коснулась ты стихом
И сизогрудым, и крылатым.

Как радует меня излом
Его стрельчатого полёта —
За озолоченным окном —
В высь заревого водомёта!

И песенной твоей росой
Душа освежена на зное,
Вливая песенный покой
В вечернем золотом покое.

И тянется вслед за тобой
Своею песней запоздалой,
Как за ушедшею зарей
Луч, от зари своей отсталый.

Коктебель. 23/VII.1926 г.

С. Дурылин

ТВОРЧЕСТВО НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Елена СЕЛИВАНОВА

Иней

Случайный взгляд в окно электрички:
Вдруг чудо — трава бела!
А мы всё солнца ждём по привычке
Да ласкового тепла...

Уже отзвенели цикад концерты,
Всё громче гвалт птичьих стай,
И солнцу отводятся только моменты,
А пруд залит через край...

Осень намёками нам напомнит,
Что лето уже ушло,
Но тихая радость душу наполнит
Всем прогнозам назло.

Радость от мысли, что всё вернётся,
Будет капель звенеть,
Что после плена зимы морозной
Станут цикады петь!

О любви

Была зима.
Я сходила с ума,
Меня магнитом тянуло к тебе.
Я шла сама,
Огибая дома,
И удивлялась бесстрашно себе.

Ты был из снов,
С букетом цветов,
Ты так целовал, что хотелось взмыть.
Ты был как Бог,
Ты солгать не мог,
Я в тебе утонула, и мне не всплыть.